

Вячеслав Шупер

ПОГОДА В ИРАНЕ

Размышления после путешествия.

Нам удалось покинуть Иран лишь с огромным трудом из-за разгула снежной стихии. Дороги были закрыты, добраться из Исфахана в Тегеран было невозможно, пришлось заночевать в Куме, не доехав сотню километров. Мы опоздали в аэропорт часов на пятнадцать, и спасло нас только то, что вылет задержался на еще большее время. Между Москвой и Тегераном 2-3 рейса в неделю и последствия могли бы быть очень серьезными.

Путешествие в Иран исключительно полезно для развития критического мышления, поскольку опровергает, кажется, все расхожие мнения и устоявшиеся представления об этой стране, даже если путешественник – профессиональный географ и вполне осведомлен, что в Тегеране верблюды не ходят по улицам, подобно медведям в Москве. Тем не менее, было весьма занятно наблюдать, как полицейские ловили петуха возле британского посольства. Метро в Тегеране современной и приятней чем в Москве, играет спокойная европейская музыка, однако это – сочинения современных иранских композиторов. В поездах отдельные вагоны для мужчин и для женщин, но семейные пары ездят вместе. Автобусы также разделены на две половины.

Положение женщин в Иране так же противоречит любым клише, как и все остальное в этой стране. Нам только лучше считать это недостатком наших клише, а не самой иранской действительности, дабы не уподобиться нашим старшим братьям по разуму, которые именно так судят о положении в России. Ей богу, их мышление устроено по принципу: «Если мы не понимаем, что происходит в России, то это проблема русских». Автор не смеет отнести себя к цивилизованному человечеству, и потому склонен считать, что если мы не понимаем происходящего в Иране, то это – наша проблема.

Женщины по закону должны носить во всех общественных местах хиджаб – платок, укрывающий от мужского взгляда волосы и шею. Во всех официальных ситуациях, включающих и учебу в вузах, следует носить чадру – черный платок специальной формы, сочетающийся с черной одеждой, закрывающей до пят. Представить характер таких туалетов помогает удельный расход материала – порядка пяти метров. У студенток чадра трансформируется в черный платок, короткий френчик и брюки, иногда довольно узкие. Стюардессы тоже носят чадру, превращение которой в элегантную униформу было явно успешным дизайнерским проектом. Правда, насколько эта униформа удобна, было бы лучше спросить самих стюардесс. Паранджу, закрытые до глаз лица и даже отвратительные маски на лицах

женщин (да простят великодушные читатели старомодному автору его неполиткорректную несдержанность!) можно было наблюдать довольно часто в Бендер-Аббасе – очень крупном и быстро растущем портовом городе на берегу Ормузского пролива, но там уже рукой подать до арабского мира (Оман, ОАЭ), поскольку пролив совсем не широк. В других крупных городах все это тоже встречается (кроме масок), но никак не чаще, чем невероятно экзотические прически на головах молодых людей.

Если что-то может сравниться по важности с фантастической привлекательностью иранских женщин, так это совершеннейшая невозможность усмотреть в них какие-то признаки восточной забитости. Стреляющие из-под чадры глаза при надобности могут сразить наповал, но в обычных случаях бьют по площадям. Тонкие интеллигентные лица, очень часто очки в ажурной оправе и еще чаще хороший английский, о котором отдельная речь, - при таком содержании только форма и цвет роднят чадру с одеждой монахини. Трудно представить, чтобы иранский мужчина, напившись, бил свою жену – во-первых, в Иране сухой закон, во-вторых, ему, скорее всего, самому придется бежать в полицию искать защиты. Надо наблюдать иранских мужей, смиренно ждущих, пока их благоверные помолятся в мечети. Огромное большинство разводов происходит по инициативе женщин. Иранки образованы, они составляют 55% студентов, обучение в государственных вузах бесплатное. Сев в российский самолет, они первым делом скидывают хиджаб, не считая нужным хотя бы дождаться взлета. Впрочем, вечерняя прогулка по главным улицам крупных городов показывает, что и небрежно сдвинутый на затылок хиджаб может быть очень даже эффективен. Витрины магазинов привлекают глубоко декольтированными платьями – их можно надевать дома, пригласив гостей. Подвенечные платья разрешены и ничем не отличаются от наших.

Межцивилизационные отношения тоже далеко не столь примитивны, как это представляется некоторым властителям западных дум. Отношение к арабам после ирано-иракской войны не отличается особой теплотой, зато к армянам относятся прекрасно. Иран – многонациональное государство, всем народам разрешено иметь национальные школы, правда, преподавание должно в них вестись исключительно на фарси. Исключение сделано только для армянских школ, где обучение ведется на двух языках. Несмотря на сухой закон, христианам официально разрешено употребление вина во время религиозных церемоний. В других случаях они его употребляют неофициально. Впрочем, и добрые мусульмане тоже выпить не дураки, а купить виски нет никакой проблемы. Главное – пить дома. Стукачество, по всей видимости, не в национальных традициях, а личная жизнь считается неприкосновенной. Именно это, прежде всего, побуждает считать Иран авторитарным, а не тоталитарным государством, хотя многое в нем и напоминает брежневские времена. Другим важнейшим аргументом следует считать свободный выезд за границу.

Иран – полусоциалистическое государство с невероятно раздутым и крайне неэффективным государственным аппаратом и огромным

госсектором в экономике. Долю последнего трудно оценить, поскольку иранская статистика доверия не внушает. Чиновники в привилегированном положении, они имеют бесплатную медицинскую страховку (все прочие должны ее покупать сами), разумеется, не перегружают себя работой – почтамт в Ширазе открыт только до двух часов. Почти не сыскать почтовых ящиков, к тому же путеводители не рекомендуют их использовать. При этом практически вся страна покрыта сотовой связью – звонить можно и посреди пустыни, и с борта судна в Персидском заливе. Ресторанный счет, как правило, распечатан на компьютере (иногда даже на английском, а не на фарси), в тамошних краях компьютеров ничуть не меньше, чем в наших. На главных улицах полно банкоматов, но принимают они только карты местных банков.

Нам и мечтать не приходится о таком уровне обслуживания, какое в Иране на внутренних авиарейсах – даже при пятидесятиминутном перелете пассажиров успевают накормить. И опять спокойная европейская музыка от иранских композиторов. Авиаперевозки субсидируются – в стране, втрое превосходящей по территории Францию и обладающей густой сетью внутренних авиалиний, стоимость самого дальнего перелета не превышает 50 долларов. Субсидируется и бензин, поэтому заправиться совсем не просто. Средняя зарплата в Иране порядка 400 долларов, в Тегеране в полтора раза выше, но субсидированное горючие и всевозможные дотации – это дешевые (и весьма качественные) продукты. Государство взвалило на себя громадные социальные обязательства. Сумеет ли оно их вынести при падении цен на нефть? Вопрос не праздный и для некоторых других стран.

Самые неприятные ощущения, испытанные автором в Иране, были вызваны стыдом за плохой английский. Девушки в чадре, приходившие на помощь на базаре или на улице, говорили намного лучше. Молодые люди сами предлагали помощь, даже если она не требовалась – иранцы общительны и доброжелательны к иностранцам. Многие немолодые иранцы, явно учившиеся до революции, также прекрасно говорят по-английски. Разумеется, на английском можно объясниться почти с каждым торговцем, кроме совсем простых людей. Все дорожные указатели и большинство вывесок на двух языках при весьма скромном числе туристов. Возникает впечатление, что страна не закрылась после исламской революции, а только на время прикрыла дверь. Кажется, это время проходит и могильщики «белой революции» шаха воистину могут, по Марксу, оказаться ее душеприказчиками.

Никто не может точно сказать, кому принадлежит власть в Иране. Президент Ахмадинежад явно не воспринимается как политический тяжеловес и портреты его встречаются крайне редко. Повсеместно висят портреты аятолла Хомейни (1903¹-1989) и Хаменеи, но сведущие люди говорят, что и последний – не самая тяжелая фигура. Иран, в отличие от брежневского СССР, совсем не закрытая страна, иранцы свободно общаются

---

¹ По другим данным аятолла Хомейни родился в 1898 г., либо в 1900 г.

с иностранцами и часто приглашают к себе домой, иностранцы свободно разъезжают по стране, но механизмы принятия важнейших политических решений еще менее прозрачны, чем в политбюро, по крайней мере, состав которого и биографии членов (и кандидатов в члены) были хорошо известны. В Иране политическая элита скрывает даже саму себя, никто в точности не знает ее состава, распределения функций и весов. Вот где политика вершится по настоящему закулисно. Несколько лет назад, эмигрировавших после исламской революции иранцев пригласили посетить страну и, если понравится, инвестировать в нее. Однако дело не заладилось, поскольку несколько человек по прибытии арестовали. Вряд ли это было сознательным вероломством - скорее всего, приглашали одни, а сажали другие. Уж кому точно не позавидуешь, так это нашим мидовцам, работающим на иранском направлении.

Объективная истина всегда становится первой жертвой политической борьбы. Иран проводит антизападную политику, поддерживает международный терроризм, а Запад бьет Иран своим оружием, создавая имидж отвратительного тоталитарного государства, логова религиозного фанатизма, от которого следует держаться как можно дальше. В этой ситуации иранское «коллективное руководство» сделало беспроигрышный ход, взяв курс на развитие туризма. Это не только возможность создать новые рабочие места в стране, где безработица, по официальным данным, 13%, это грядущая победа в информационной войне, войне на уничтожение мифов противника. Иранское руководство имеет важные козыри: интереснейшую страну с очень неплохой инфраструктурой, низкой стоимостью жизни, а главное – образованным и доброжелательным народом, весьма жизнелюбивым и совершенно не фанатичным в основной своей массе. Пусть победа придет не скоро, но на востоке умеют ждать.

Мы очень много проигрываем от того, что смотрим на мир глазами Запада и бьемся только над теми вопросами, которые он счел нужным включить в повестку дня. Между тем наша эмансипация в мире требует от нас не только глубоких структурных реформ, но и ревизии нашего мировоззрения. Не пора ли нам разочароваться в наших учителях? Разве, выпив холодной минеральной воды и взглянув на вещи свежим взглядом, мы не признаем удивительным то, что Запад, провалившись за последние полтора десятилетия везде, где только имел возможность – в Косово, Боснии и Герцеговине, Ираке и даже в Афганистане, не испытывает никаких комплексов в этой связи и продолжает всех поучать со спокойной самоуверенностью огромного жизнерадостного пса? Разве наша верность историческому выбору Петра, от которого нельзя отказаться, оставаясь в здравом уме, не должна нас побуждать к наиболее эффективному отстаиванию национальных интересов?

Запад изменился за последнюю четверть века, возможно, даже глубже чем за два с половиной столетия после Петра. Он отказался от принципов рационализма. Надвигающееся информационное общество имеет своим фундаментальным принципом замену манипулирования социальной

реальностью манипулированием представлениями о ней. Даже если автора сочтут злопыхателем, все равно придется признать, что великие слова “Perception is reality” сказаны отнюдь не им. Эта фундаментальная трансформация снижает предсказуемость и еще более – интеллектуальный уровень принимаемых решений.

Первая чеченская война была крайне непопулярна внутри страны, как и подобает колониальной войне, но Запад этого не видел в упор, поскольку опасался ослабления позиций Ельцина и коммунистического реванша. Западные СМИ все спускали на тормозах. Бомбардировки Сербии опять же были непопулярны именно у нас – при всей мерзости режима Милошевича угрозы безопасности стран Запада он все же не представлял, а идеализировать какую-то одну из сторон косовского конфликта явно не было оснований. Однако глупости цивилизованных людей ничем не лучше, чем глупости варваров, поскольку глупость – она и есть глупость. Хватило же ума у наших старших братьев по разуму, благополучно переживших первую чеченскую войну, типично колониальную по своему характеру, отбомбившись по Сербии, поднять в СМИ невиданную по масштабам антироссийскую компанию в ходе второй чеченской войны, чисто оборонительной по своему характеру и имевшей целью воспрепятствовать созданию «халифата от Черного моря до Каспийского»!

Впрочем, даже эта отвратительная компания, поставившая ведущие газеты западных стран на одну доску с брежневской «Правдой», не смогла сколько-нибудь глубоко изменить вектор российской внешней политики. Это сразу же стало очевидно после событий 11 сентября 2001 г., и тут самый раз предоставить слово лорду Скидельскому: «В 2002 г. Владимир Путин в приватной беседе с высокопоставленным западным чиновником дал понять, что Россия могла бы вступить в НАТО. Российскому президенту ответили так: “Страны не приглашаются к вступлению в НАТО, они сами должны подать заявку”. “Россия не готова стоять в очереди”, — сказал Путин. Возможно, впоследствии историк именно этот эпизод назовет той точкой, когда Запад окончательно “потерял” Россию. Исторический шанс вовлечь эту страну в тесное сотрудничество с Западом был упущен. Президент Путин, на беду или на радость, избрал другой путь. Было ли это неизбежно? Вспомним 11 сентября 2001 г. Вопреки инстинктам российских военных Путин выразил поддержку США, предоставил Америке доступ в Центральную Азию, закрыл военные базы во Вьетнаме и на Кубе и способствовал тому, чтобы цены на нефть держались ниже, чем того хотели в ОПЕК. “Партнерство” — вот как называлась игра, в которую он играл. Но доход на капитал, инвестированный им в проект “партнерство”, получился мизерный. России не позволили быстро вступить в ВТО, не пошли на уступки в вопросах противоракетной обороны, не дали сыграть более значимую роль в НАТО или на Ближнем Востоке и даже на должном уровне сотрудничать с ЕС. Более того, серия вдохновленных США (или как минимум профинансированных с участием американских организаций) “цветных революций” в Сербии, Грузии и на Украине только усугубила российское чувство изолированности.

Партнерство прекратилось. Отношения России с Западом стали чисто функциональными»².

Впрочем, и выстраивание чисто функциональных отношений сопряжено с огромными трудностями, достаточно вспомнить другую оголтелую компанию, поднятую в британской прессе, когда Газпром пожелал участвовать в приватизации газораспределительных сетей Centrica. Что тут началось! Газпром стали обвинять в стремлении удушить Англию газовой блокадой, солидные газеты и даже парламентарии стали требовать пересмотра законодательства, что для старой доброй Англии совершенно не типично. Понятно, что Газпром счел за лучшее отказаться самому, а ведь при малейшем проблеске разума, очевидно, что для удушения Англии ни в коем случае не следует приобретать в этой стране газораспределительные сети и увеличивать таким образом свои собственные убытки. Реальный интерес Запада состоит как раз в том, чтобы возможно крепче привязать Газпром и Россию в целом к своей экономике, дабы любые перебои в поставках газа били по самому поставщику как можно сильнее.

Закат разума можно было более чем отчетливо наблюдать и на политическом уровне, когда высшее государственное руководство Великобритании разыграло недостойный спектакль с требованиями изменить российскую конституцию и высылкой дипломатов. Разумеется, профессиональные дипломаты обеих стран нисколько не заблуждались относительно подлинной цены подобных действий, и вместо высланных дипломатов, конечно же, в скором времени были назначены другие, но чего можно ждать в будущем, если политику вершат не профессиональные политики и дипломаты, а телевидение и бульварная пресса, сначала морочащие головы широчайшим народным массам, а потом идущие у них же на поводу?

Увы, любые стандарты служат, прежде всего, тем, кто их устанавливает – будь то стандарты по уровню шума от самолетов, демократии или соблюдения прав человека. Когда автор просыпается посреди ночи в Париже от inferнального шума байкеров, то вынужденно проводит остаток ночи в размышлениях о том, отчего цивилизованным людям так несносен шум наших самолетов. Выборы в Грузии, Ираке, Киргизии или на Украине, где президент Ющенко отстранил от должности одного за другим трех членов Конституционного суда в ходе рассмотрения в нем вопроса о соответствии конституции его указа о роспуске парламента, а затем и Генерального прокурора, усомнившегося в законности отстранения судей, не показались автору существенно более демократичными, нежели выборы в собственной стране. Хотя положение с правами человека в любезном отечестве ниже всякой критики, трудно отделаться от мысли, что наше руководство смогло бы быстро улучшить положение в этой сфере, договорившись с европейцами о доступе их компаний к нашим газодобывающим активам, а с американцами – об ужесточении российской позиции по отношению к Ирану.

---

² Скидельский Р. Точка невозврата // «Ведомости», 22.02.2007. С. А 4.

Думается, что делать всего этого не надо. Ничто не должно доставаться бесплатно ни США, ни ЕС, ни Ирану или Китаю. Необходимо даже не вырвать знамя из рук Запада, а просто его поднять, подняв вместе с ним и правозащитное движение в нашей стране на хоть сколько-нибудь пристойный уровень, сделав его мощной социальной опорой в муках рождающийся средний класс. Автору так и не удалось понять, вероятно, в силу крайней отсталости, почему правозащитники никогда – ни в горбачевские времена, ни в ельцинские, ни в путинские – не обращались с призывами о пожертвованиях, почему они всегда довольствовались внешними источниками финансирования. Ведь если хотя бы миллион наших сограждан пожертвует на правозащитные цели в среднем по тысяче рублей в год, то получается уже серьезная сумма, позволяющая вести серьезную работу, в том числе и со СМИ, и с отцами-законодателями. А ведь проведенные через банк пожертвования – это еще и плебисцит, воистину позволяющий сказать: «За нами миллионы!».

Надо встряхнуться, наконец, и трезво взглянуть как на себя, так и на Запад, у которого не осталось не только никаких великих принципов, но даже способности разумно преследовать собственные фундаментальные интересы. Теоретики информационного общества всегда готовы нам помочь, объяснив, что все идет штатно, становление информационного общества неизбежно предполагает закат демократии (М. Кастельс, Ф. Уэбстер, Ю. Хабермас), а мы просто сильно отстали и потому не отрешились еще от идеалов Просвещения, верим в разум, когда все над ним смеются, все время хотим о чем-то спорить с сытым самодовольным Западом, который давно уже спорить ни о чем и ни с кем не желает. Безнадежно отставший автор не способен однако отделить друг от друга приверженность идеалам Просвещения и выбору Петра. Не исключено, что России действительно придется искать свой путь, причем именно тогда, когда она совершенно к этому не стремится, если, разумеется, ставится задача занять хоть сколько-нибудь достойное место в мире. Ведь подлинно догоняющее развитие может быть только развитием обгоняющим. Копируя и подражая можно в лучшем случае не отстать еще больше, хотя и это маловероятно, ибо жители Восточной Азии много проворней нас и всегда преуспеют в копировании больше.

Наши конкурентные преимущества в мире должны основываться не на запасах углеводородов, а на поддержании более высокого интеллектуального уровня, нежели у наших основных соперников. В условиях интеллектуальной деградации Запада это становится вполне реальным, но мы не смеем воспользоваться появляющимся шансом в силу отсутствия эмансипированности, смелости идти собственным путем. Типичный пример – реформа высшего образования. Совершенно стихийно в нашей стране сложилась система, наилучшим образом отвечающая потребностям отечественного рынка труда и рынка образовательных услуг – это традиционная подготовка специалистов, как правило, на протяжении пяти лет, в сочетании с «болонским процессом», знаменитыми 4+2 (бакалавриат и

магистратура). Возможность выбора создавала огромные преимущества для студентов. Ориентированные на работу за границей или в российских филиалах западных компаний, а также стремящиеся максимально повысить рыночную стоимость своих дипломов без обучения в аспирантуре, выбирали «4+2». Более традиционно настроенные студенты, и их было большинство, предполагавшие продолжить учебу в аспирантуре, либо работать в российских компаниях или на государственной службе, выбирали традиционные «5». Теперь этому бардаку в нашей исключительно упорядоченной стране решительно положен конец – бизнесу предложено сформировать спрос на бакалавров. Насколько они ему нужны в условиях катастрофического падения уровня образования (а чего еще ждать, если в вузы поступает больше народу, чем оканчивает школу, при этом в школе не могут научить даже вычислять проценты) – это уже его проблемы, как, впрочем, и все остальное.

Автор смотрит с осторожным оптимизмом на перспективы улучшения отношений между Ираном и Западом. Отрекшийся от великих принципов рационализма Запад становится для Ирана куда более приемлемым партнером. При всех мерзостях колониализма «бремя белого человека» не было только идеологическим извращением, ибо именно Запад нес в отдаленные уголки планеты представления о ценности человеческой жизни и правах человека. Отец Тейяр де Шарден (1881-1955), выдающийся исследователь происхождения человека, начисто лишенный высокомерия, что всегда отличало великих гуманистов, писал: «... от одного края света до другого, все народы, чтобы остаться человечными или стать таковыми еще больше, ставят перед собой упования и проблемы современной Земли в тех же самых терминах, в которых их сумел сформулировать Запад»³. Задолго до изобретения политкорректности Джавахарлал Неру (1889-1964) не стеснялся называть себя последним англичанином, управляющим Индией, поскольку получил образование в лучших университетах Англии и специализировался по английской истории, не по индийской. А.Б. Чубайс то ли поторопился, то ли ошибся со своей идеей либеральной империи, но разве не вызывает ностальгического восхищения «железнодорожный империализм», как называли на Западе сто лет назад экспансию России в Сибирь, Манчжурию и Среднюю Азию?

Отказавшись от великих принципов рационализма, точнее, изменив им, Запад утратил всякие основания для претензий на универсализм. Теперь взаимодействовать с Исламской Республикой будет не Разум, а Христианство, изрядно потрепанное и поблекшее, не имеющее в достаточном числе не то что фанатичных, а вообще сколько-нибудь преданных адептов. Такое взаимодействие вполне приемлемо для теократического государства, где за три десятилетия тоже очень поубавилось фанатизма, хотя и остается несравненно больше, чем в Западной Европе или Северной Америке. Если у обеих сторон нет более мессианства и претензий

³ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Прогресс, 1965. С. 209.

на великие универсальные принципы, то отчего бы им спокойно не поделить сферы влияния? Стремящийся к модернизации Иран вполне может найти общий язык если не с США, то, по крайней мере, с ЕС.

Речь, однако, не столько об Иране, сколько о России, к размышлениям о судьбах которой Иран дал лишь толчок. Мы наблюдали в Иране следы великой цивилизации, в XVI веке там сооружались изумительные по красоте мечети с огромными полостями в куполах, что обеспечивало совершенно потрясающую акустику - разносится даже шуршание бумаги в центральной точке. Не поторопились ли мы счесть, не утрудив себя серьезной аргументацией, что закат (или, как минимум, глубокий кризис) западной цивилизации невозможен? Самодовольство всегда чревато глубоким кризисом, чему можно сыскать достаточно примеров в истории.

В свое время автору довелось посетить мемориальный музей Марии Кюри (1867-1934) в Латинском квартале – небольшое здание, построенное специально в качестве лаборатории великого физика и химика. Французам свойственно бережное, можно даже сказать трепетное, отношение к своему культурному наследию и музей – прекрасный тому пример. Молодой эрудированный экскурсовод, воодушевленный своим высоким призванием, охотно достал из свинцового шкафа рабочий халат хозяйки дома и поднес к нему дозиметр, который стал отчаянно пищать, рассказал много интересного о жизни Марии Кюри и ее времени. Мне тоже захотелось поведать кое-что о наших физиках-ядерщиках моему приятному и интересному собеседнику. Услышав, что академик Я.Б. Зельдович (1914-1987), не имевший высшего образования, получил разрешение ВАК в порядке исключения защищать кандидатскую диссертацию без вузовского диплома, мой и без того заинтересованный слушатель не выдержал и воскликнул: “Incroyable! (Невероятно!)”.

Наверно, именно тогда у автора зародились первые сомнения в том, что переход от варварства к цивилизации (в западном ее варианте) всегда ведет к повышению эффективности. Если советская модель экономики отличалась вопиющей неэффективностью, то советская модель организации науки и высшего образования никак не уступала по эффективности зарубежным аналогам. Фундаментальное заблуждение наших реформаторов, стремящихся сделать Россию «скучной страной», - именно в игнорировании того очевидного обстоятельства, что, идя путем заимствований и только им, мы приобретаем все недостатки цивилизованных стран, к сожалению, без их достоинств. Вместо того чтобы смело экспериментировать в поисках национальных моделей организации науки и высшего образования, таланта хватает лишь на заимствование западных образцов, вроде пресловутого ЕГЭ, эффективность которых далеко не бесспорна даже в тех странах, из которых они заимствуются, и уж тем более проблематична в нашей стране.

Если варвары посредственны и/или трусливы, то для них нет другого пути, кроме как путь заимствования. Но если они ставят перед собой честолюбивые цели, они обязаны быть яркими, смелыми, решительными, способными сделать то, что не под силу цивилизованным людям, связанным

по рукам и ногам всевозможными узаконениями и общественным мнением. Именно в этом будет состоять их конкурентное преимущество и, разумеется, конкурентное преимущество их страны. При таком подходе и временное отсутствие демократии может стать важным ресурсом догоняющего развития, позволяющим провести непопулярные, но совершенно необходимые реформы в области образования или пенсионного обеспечения, равно как и в других областях. Увы, этот исторический шанс бездарно упущен и вместо того, чтобы решительно поднять уровень обучения в средней и высшей школе, создав хороший задел для будущего рывка вперед, мы меланхолично наблюдаем наш дальнейший откат на все более низкие места во всемирной табели о рангах (образовательных). Властям предречающим с их более чем скромными амбициями не приходит в голову сказать родителям правду о подлинном образовательном уровне их детей, так, чтобы люди прикусили языки и не возражали против жестких мер по восстановлению утраченного порядка. А какими еще мерами можно заставить школьников и студентов учиться? Даже отбор наиболее любознательных и заинтересованных требует значительно более высокого уровня и социального статуса образования.

Не менее нелепа ситуация и с пенсионным обеспечением. Творцов пенсионной реформы 1958 г. уже не спросить, какими соображениями они руководствовались, предусмотрев для женщин не только более короткий трудовой стаж (20 лет вместо 25) для начисления пенсии, но и более низкий пенсионный возраст (55 лет вместо 60). Отметим, однако, что тогда был установлен предел для пенсий (50% зарплаты, но не более 1200 руб.). В 1958 г. 1200 руб. превышали среднюю зарплату по стране в полтора раза, но этот порог тридцать лет оставался без изменений и к концу 80-х гг. далеко не достигал и половины средней зарплаты. Важно помнить, что в советские времена нельзя было работать и получать пенсию (кроме некоторых дефицитных специальностей, т.е. в тех случаях, когда это было нужно государству, а не пенсионеру), поэтому фактический возраст выхода на пенсию был намного выше официального – никто не спешил на встречу с грошовой пенсией. Свергнув отвратительный тоталитарный режим, трудящиеся заявили, что им следует получать пенсию тотчас по достижению пенсионного возраста, поскольку они ее заработали. Каким образом они могли ее заработать при солидарной, а не накопительной пенсионной системе? Может, пришло время хоть почти через двадцать лет сказать им об этом? Если не поднять пенсионный возраст и не уравнивать его для мужчин и женщин, то те, кто действительно уже не могут работать, всегда будут обречены на беспросветную нищету.

Увы, наши СМИ обладают чудесным свойством уделять тем меньше внимания общественным проблемам, чем эти проблемы серьезней (и, разумеется, наоборот). Это тоже зримый признак упадка духа, ибо четкая постановка задач всегда предшествует их решению. Нам нужно не ждать у моря погоды, а смело говорить о подлинных проблемах, стоящих перед

страной, и смело искать пути их решения. Свои пути – не такие как в США, ЕС или Иране.

Февраль 2008 г.